

f u n k y b o o k s

Светлана Сачкова

Люди и птицы

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С22

Издательство благодарит
Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency
за содействие в приобретении прав

Художественное оформление серии
Юлии Девятовой

Сачкова, Светлана Александровна.

С22 Люди и птицы / Светлана Сачкова. — Моск-
ва : Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-04-113741-0

Светлана Сачкова была редактором журналов Allure и Glamour, писала для Vogue, «Медузы», «Большого города» и Афиши Daily, а недавно стала стипендиатом фонда Трумена Капоте. Этот роман о том, как трудно оставаться человеком, когда все вокруг считают тебя «белой вороной» и неудачником.

Таня ранима, застенчива и толком нигде не работала. У Саши крошечный бизнес, несчастливый брак, любовница-японка и мечты о гораздо большем. Когда ночью на улице он встречает восьмилетнего мальчика, а у Тани появляется собака, начинается по-настоящему странная история.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сачкова С., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-113741-0

Глава 1

**ЛЮДЯМ СВОЙСТВЕННО
ПРЕУВЕЛИЧИВАТЬ**

«**Ч**езаре Борджа зарезал зятя из-за любви к собственной сестре, состоявшей в интимной связи с их отцом — Папой Римским».

Таня оперлась подбородком на руку. Ветер перевернул страницы. Ветер стального голубого цвета.

«Не образец морали, конечно, — подумала Таня. — Но, во всяком случае, не убожество».

Больше всего на свете ее удручало убожество. Ума и души.

Таня кусала ручку и смотрела за окно, вдаль.

Это был заурядный день ранней осени. Яркими пластами солнце вливалось через распахнутые створки, падало на стол и вздымало пылинки. В жарком мареве тонули панельные дома и кроны деревьев разнuzданных желто-рыжих оттенков. На небе — ни облачка. Вороны запрокидывали головы в истоме и разевали рты, издавая гортанные крики из глубины своих тел, тренированных экстремальными условиями.

В куче листья у дороги что-то закопошилось. Однако Таня этого не заметила, поскольку смотрела совершенно в другую сторону. В сторону ветра стального голубого

цвета. Цезаре Борджа... Борджиа Цезарь... Убожество. Убожия Цезарь. У бога же. У бога же резать. Отрезать от бога кусочек, чтобы узнать, из чего он сделан. Пришлите, пожалуйста, почтой — очень интересно посмотреть.

Под листьями между тем происходило следующее: розовый червяк без глаз и без носа тыкал туда-сюда закругленным концом, имевшимся у него вместо головы. Черный блестящий жук толкал перед собой скорлупку от фисташки, обустроивая быт. Быт его состоял пока из пустой сигаретной пачки и промасленной газеты.

Все? Кажется, все. Может, было еще что-нибудь?

Сухая листва, обрывки целлофана, бумажки, окурки — раздвинулись. На свет выползло крошечное существо вроде карлика и сердито нахмурилось.

Ветер густо и сладко пах оранжевыми, будто испеченными до готовности листьями. Хотелось холодного лимонада. Таня вдруг обреченно охнула: бросила взгляд на часы и увидела, что уже половина второго. Она вскочила и начала собираться. Почистила зубы, избегая глядеться в зеркало, причесалась, разыскала ключи, выдернула из шкафа одежду.

Серая юбка в клетку. Ноги худые и угловатые.

Таня проверила плиту и тщательно заперла за собой входную дверь.

Сентябрь в Москве бывает жарким. Горячим и горячим. Над мегаполисом стоит, как желе, раскаленный воздух. Тлеют торфяные болота, которым нет дела до легких, детских и взрослых. Двигутся миллионы машин на бензине, не очищенном от свинца: им тоже нет дела. Исторгают смертельные выхлопы. На облагороженные газоны

высаживают по распоряжению мэрии аютины глазки. Они лукаво подмигивают и делают вид. Достойный вид. Однако на мебели каждый день оседает миллиметр неизвестных веществ — хоть окна не открывай¹.

Выйдя из подъезда, Таня сощурилась. Сияющий воздух отражался в сером асфальте. Метался и сдавленно чавкал ковер, выбиваемый твердой старушечьей рукой. Бряцали железками автолюбители из-под открытых капотов и почесывали зады руками в машинном масле. Таня медленно побрела к автобусной остановке, разглядывая деревья, людей, собак.

Мимо пропылил ногами мальчик: красные сандалии, зеленые носки. Вскоре он запрыгал по автомобильным покрывкам, вкопанным торчком вокруг клумбы в качестве украшения и покрытым масляной краской. Удерживал равновесие, помогая себе руками, пыхтел и старался. И уже через пять секунд на него заорали стоявшие поблизости тетки. Злые глаза. Толстые, из жидкого теста руки.

— А ну слезь сейчас же! Ты их не вкапывал, на карачках не ползал? Вот и нечего! Они и так на честном слове держатся!

Мама мальчика, робкая, в ситцевом платье, пробовала вступить:

— Ну зачем вы кричите? Это ребенок... Ему же хочется попрыгать... Откуда он знает...

Тетки (довольно молодые, но уже точно тетки) подбоченились по-тетковски:

¹Дождь тоже не лучше. Дышать становится легче, но на улицах появляется жидкая грязь. Обувь, подолы плащей и юбок, штанины и детские куртки пропитываются коричневой массой — и тогда по громадному городу из стекла и бетона движется бесконечная, измазанная глиной толпа.

— И чего теперь — ребенок! Мы своим детям не разрешаем тут лазить! А если ему луну с неба захочется?! Вы будете эти шины обратно закапывать, если они повалятся?

Мать и сын ушли, взявшись за руки. Оплеванные. Два худеньких насекомых вместе побрели прочь.

Таня была впечатлительной девушкой с тонкой душевной организацией. Каждый раз, как ей делали больно, внутри у нее что-то тихонько лопалось и восстановлению больше не подлежало. Иногда она пыталась понять, сколько у нее того, что лопается, и что будет, когда лопнет самое последнее.

Она практически побежала на остановку, не оборачиваясь, и потом целый день не могла забыть эту сцену. Еще долго на разные лады она сочиняла ответные реплики мальчиковой мамы.

Ей следовало веско, значительно, глядя той тетке прямо в глаза, сказать:

— Люди важнее колес. И пока вы этого не поймете, вы будете такой же несчастной и злоющей.

Тетка бы хмыкнула презрительно:

— Это я-то несчастная? Да что ты мелешь, ненормальная?!

Тут надо произнести очень отчетливо:

— Счастливые люди злоющими не бывают.

И, развернувшись, спокойно уйти.

Или другой вариант:

— Вы разве не знаете, как нужно себя вести, чтобы достичь результата? Следует вежливо попросить: «Пожалуйста, объясните ребенку, что не стоит прыгать по шинам, так как они слабо держатся». Я бы с радостью выполнила вашу просьбу. А если вы начинаете орать и хамить, в ответ вы можете получить такие же оскорбления.

Сама Таня никогда бы не решилась вмешаться. Да и будь она мальчиковой мамой, сбежала бы точно так же, опустив глаза.

Между прочим, карлик все это видел — тот, что недавно вылез из кучи опавшей листвы. Наблюдал он за этим плевым, в общем-то, происшествием очень внимательно. И явно получал удовольствие.

Пассажиры скособоченного автобуса были напряжены. Они рефлекторно, бесцельно проводили пятерней по волосам, поправляли обшлага, теребили авоськи. Вынужденная пауза в жизни будто застала их врасплох, и на любой взгляд они реагировали враждебно. Таня сразу прошла в середину — туда, где автобус сгибался при помощи резиновой гармошки, — съезжилась и постаралась ни на кого не смотреть.

Вскоре к ней подошла кондуктор в толстой вязаной кофте, круглощекая, низколобая. Таня отцепилась от поручня и начала судорожно рыться в кошельке. Тут автобус мотнуло, и кондуктор поддержала ее за локоть, чтобы Таня не упала. Это растрогало ее до слез.

На остановке вошли подростки мужского пола и посмотрели на нее бесцеремонными голубыми глазами. Таня вспыхнула и потупилась. Ей бы поразмыслить о том, что пора наконец сделать усилие и начать выглядеть старше, поработать над собой. Чтобы подростки не принимали ее за подростка. Вместо этого она все еще думала о злой тетке, зеленых носках и тоненькой маме.

(«...Вам что, нечем занять свои мысли, кроме как старыми покрышками? Рано или поздно случится нечто, в сравнении с чем эти шины покажутся вам ерундой. В тот момент вы поймете, ЧТО на самом деле является важным!..»)

Такого просто не должно было быть — в природе. Так ей казалось.

Автобус надолго задержался на светофоре, и Таня стала смотреть в окно. Там виднелась палатка «Мороженое» и вагончик с шаурмой и курами-гриль. В палатке продавались несвежие шоколадные батончики, соленые орешки в хрустящих пачках и засохшие жвачки. В качестве демонстрации ассортимента к стеклу были приклеены пустые обертки, которые поблекли от времени. Продавец шаурмы с синим от буйной кавказской щетины лицом жмурился на солнце, оперев руки в бока. Его белый передник был измазан жиром, а лоснящийся рот выглядел так, будто только что вкусно поел. Голова шаурмена наполнилась радужными надеждами в виде корпусной мебели. Сзади него вращались обугленные остовы дрожащих куриных жизней. Таня в негодовании отвернулась.

Она теперь горько сожалела о том, что вышла из дома. Надо было плюнуть на все и остаться. Поступить, наконец, так, как хочется, а не так, как надо. Она представила, что могла бы в этом случае делать: сидеть у окна и рассматривать птиц, думать о своем, курить и есть картошку с солеными огурцами. Она могла бы выйти из подъезда и нырнуть в соседний, где недавно открылся книжный магазин. Там бы она бродила вдоль полок, открывала книги на первой попавшейся странице и долго читала — возможно, до самого вечера...

А теперь день явно не заладился. Таня плелась ко входу в метро. На подступах к нему располагались тележки с замороженными продуктами и замороженными продавщицами. Тележки с хот-догами. Бабушки с пачками пластиковых пакетов. Бабушки с котятами. Бабушки с фиалками в горшочках из обрезанных пластиковых бу-

тылок. Огромные рыбы головы на перевернутых вверх дном деревянных ящиках. Лотки с воблой, семечками, стельками, средством для чистки ковров. Дефективная девушка: «Пода-айте на хлебушек!» С пришепетыванием. Со страшным лицом.

Высоким, твякующим голосом тетка кричала: «Девочки, покупайте джемпера! Недорого, все размеры!» Невдалеке остановился милицейский уазик, и торговцы стали сгребать товар и спасаться бегством. Наиболее смелые распихивали барахло по баулам и делали вид, что они просто так здесь, воздухом дышат.

В вагоне Таня поместилась в самом углу: спряталась за обширной дамой, облепленной потным шелком. Постаралась максимально отодвинуться от нее и полезла в сумку за книгой. И тут ее ожидал подвох: книги не оказалось. Ей снова не оставалось ничего, кроме как наблюдать за окружающей ее жизнью.

Много лет она страдала от пластиковых пакетов. Женщины и девушки часто носили в руках пакеты различных степеней уродства — независимо от того, была ли у них при этом еще стильная сумка или разваливающаяся кошелка. Тане была непонятна культура пакетов. Она могла согласиться с тем, что люди носят в пакете продукты из магазина. Но их почему-то брали с собой в качестве аксессуара. Видимо, на тот случай, если возникнет необходимость что-нибудь куда-нибудь положить. Она готова была смириться с пакетами хорошего качества, которые сверху затягивались при помощи шнура. Такие еще могли нести посильную эстетическую нагрузку. Но остальные... Особенные терзания доставляли Тане пакеты «Марианна». Белые в вертикальную черную полосу, посередине — черный силуэт некой дамы в шляпе, —

вероятно, Марианны. Поскольку сверху было написано Marianna. Таня ее ненавидела. Стонала каждый раз, как встречала ее.

Марианна, псевдозелегантная, уверенная в себе, в шляпе с пером. Пошлая и вездесущая.

Таня, давно-уже-не-школьница в серой юбке. По-прежнему застенчивая и ранимая.

От конечной остановки метро ей предстояло долго идти пешком. Она взглянула на часы: было без двадцати четыре. Двадцать до четырех. Двадцать до шестнадцати. От шестнадцати до двадцати как раз четыре. Шестнадцать — четырежды четыре. Красивая цифра шестнадцать — розовая и надежная. А до двадцати нужно успеть завершить четыре дела: успешно пройти интервью, поплавать в бассейне, навестить родителей и забрать из ремонта туфли.

На рукав к ней присел осенний комар. По его согбенной фигуре было понятно, что он вынашивал мысль о бренности всего сущего. Наверняка ощущал неотвратимость своей скорой кончины. Таня сопереживала ему. Она испытывала похожие чувства, собираясь наняться в фирму, торгующую телескопами.

С другой стороны, ей же надо на что-то жить.

Она дернула ручку двери и вошла в приемную.

Как назло, ей очень хотелось в туалет, и в течение минуты она решала, удобно ли об этом спросить. Секретарша с высоким бюстом заносчиво стучала по клавиатуре; Таню она не удостоила даже взглядом. Тогда Таня стремительно вышла, тоже не сказав ей ни слова.

Вот и покончено с первым делом; не видать ей телескопов и звезд. Ну и ладно! Значит, это не ее место. Значит, ее здесь не ждали. Теперь она засобиралась в бассейн. Правда, в таком состоянии добраться туда нечего было и

думать: в животе начинались колики. Таня поозиралась и обнаружила через дорогу железнодорожную станцию. К подобным местам она питала стойкое отвращение как к средоточиям криминала и грязи, но других вариантов не видела. Вот ее сестра Лиза могла бы зайти в любой ресторан, сделать все что нужно да еще получить в придачу кофе с мороженым. Капуччино и ванильное с орехами. Она сидела бы за столом, красиво держа сигарету, а мужчина с белой улыбкой говорил бы без остановки. Наверное, так¹.

Бодрым и мелким шагом Таня направилась к цели. По улице цвета пыли и заветренной колбасы.

В туалете стояла длинная змеевидная очередь. От нее во все стороны оттопыривались тюки, сумки и цыганские грудные младенцы. В одном месте даже торчало кверху целое дерево, обернутое в полиэтилен. Очередь довольно быстро двигалась к недрам — они угадывались по запаху. Таня стиснула зубы и встала в хвост. Ноги в английских ботинках и примерная серая юбка.

Вскоре стало понятно, что пользовательских мест в заведении ровным счетом одно. И какое! Увидев его из-за мохеровой спины соседки, Таня оцепенела: удобства представляли собой отверстие в полу на некотором возвышении, но без всякого ограждения в виде двери, перегородки или хотя бы чего-нибудь, хоть полупро-

¹Летом Тане впервые довелось использовать голубую кабинку под названием «биотуалет», какие во множестве стоят в местах скопления людей. До этого она полагала, что биотуалет — это такое высокотехнологичное устройство, засасывающее материал и превращающее его в нечто безопасное для окружающей среды и обоняния. А вот и нет. Оказалось, что внутри него — просто яма с кашками и неустойчивым пластиковым верхом, на который нельзя забираться с ногами, а садиться — невысказанно. С тех пор Таня в качестве варианта подобные сооружения не рассматривала.

зрачного. Сверху громоздился сливной бачок со шнурком. Было трудно поверить, что это сооружение существует прямо сейчас, в наше время, всего в километре от МКАД.

Лихорадочно осмысливая возможность бегства, Таня представила себе взгляды, которыми ее наградит очередь. Как расплывутся в высокомерных улыбках физиономии. Вот будет позор... В конце концов, нельзя же быть такой сюсей, как говорит мама. Правда, не о Тане. Мама говорит это о ком-нибудь еще, но всегда очень значительно.

Молодая цыганка сунула младенца крошечной чумазой дочери, деловито приподняла пестрые юбки и зажурчала, постанывая от удовольствия. Затем пихнула младшего под мышку, стянула с девочки грязные рейтузы и подтолкнула к дыре. Очередь перетаптывалась в тесноте, в достижении возможных брызг. К этому моменту Таня уже превратилась в зомби. В голове у нее было пусто, если не считать посторонний писклявый голос, который вел обратный отсчет: «четыре... три... два... один».

Таня взошла на постамент, окончательно отрешившись от наблюдавших за ней женщин. Аккуратно спустила трусы, присела не очень удобно, но скромно, сдвинув колени. Ботинки мысками внутрь. Взгляд вниз. На эмалированной емкости сеть мелких трещин. Ржавчина там, где когда-то стояла вода. Ык! Ык! Электрический сигнал мышцам.

- Ну! Давай!
- Ты че, заснула?!
- Че так долго?
- Але, начинай!

Голосила очередь на разные лады.

Так ничего и не сделав, Таня ушла, сопровождаемая насмешливыми взглядами. Больше ей ничего не хотелось и на все стало плевать. Следующим пунктом в списке стоял бассейн — для поддержания организма в относительном равновесии. Для правильной осанки, которая никак не желала прилепиться к Таниной спине¹.

(«Поднажми! Ну, напрягись! Да нет, пусть расслабится... Не видите, она боится... Когда боишься — не получается... Давай, выжимай...»)

Плавая, Таня переживала свой недавний позор. В резиновой шапочке она была похожа на инопланетянина.

(«Что у тебя там? Оформившийся, жидкий? Слушайте, а у меня, когда я творогу поем — прям как у козы, горох какой-то. Выстреливает таким залпом. Да ты че? А я если кефира не попью, два дня или три в туалет не хожу. Да-да, вы знаете...»)

Поразительно, до какой степени многие готовы участвовать в жизни других и впускать их в свою. Причем как торговки на рынке, так и интеллигентные бабушки. У вторых голос чуть тише, но все равно их прекрасно слышно. Наверное, они не нуждаются в частном пространстве. А может, им просто неведомы границы меж-

¹Тут уместно вспомнить похожий случай. Однажды Таня легла в больницу на плановую операцию. В палате ей и еще одной женщине велели раздеться догола и забраться под одеяла. Одежду тут же унесли. Но Тане вдруг страшно захотелось в туалет... В палате в это время находился анестезиолог, совсем молодой человек: он что-то оживленно рассказывал. Когда она уже начала падать в обморок, зашла медсестра, которую и пришлось оповестить о неодолимом желании. Та поставила на середину комнаты утку и разрешила ее использовать ровно на этом месте и больше нигде. Анестезиолог так же увлеченно продолжал рассказывать Тане свою историю, пока она, совершенно голая, писала на середине комнаты. Для него это было, видимо, в порядке вещей. А Таню еще полгода мучили кошмары.